

Виктор КЛЮЕВ

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Гастроли Дюссельдорфского драматического театра в Советском Союзе

СПЕКТАКЛЬ начинается в фойе: зрителей встречают персонажи «мещанской драмы», на небольшом экране показывается тонкий фильм о Шиллере и его времени. Но вот вы в зрительном зале: «условная», вся белая комнатка музыканта Миллера.

Потом на ваших глазах эту выгородку уносят, и вы окажетесь в резиденции президента фон Вальтера, в большом захлабленном зале с длинным столом во всю глубину сцены. В доме же леди Мильфорд художник Франц Коппендорфер половину этого зала скроет опущенным белым тюлем, сквозь который, через распахнутую дверь, мы единственный раз увидим выход в светлый мир, мир без коварства, точнее, без гнета. И спектакль следовало бы назвать так: «Гнет власти и любовь». Потому что первая большая режиссерская работа молодого актера Роланда Шефера повествует не столько о коварных интригах, губящих Фердинанда и Луизу, сколько о трагическом бытии человека. Вместе с помощником по литературной части Йоханном Йоханнсенем режиссер выстраивает — тактично сокращая текст — спектакль, посмотрев который, вы обязательно вспомните известное суждение Ф. Энгельса: «...главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически тенденциозная драма». И, добавим, не состарившаяся.

Любовь молодых людей — это не просто захватывающая их страсть. Будут меняться картины, но как в доме Миллера, так и президента фон Вальтера неизменными останутся две детали, обретающие едва ли не символическое значение: рабочий стол президента и скромная стопочка книг по другую сторону сцены. От них — все бедо, Книги ненавидят в равной мере как бедный музыкант, так и дворянин. Но если Миллер только грозит сжечь их, то Вальтер буквально сжигает одну из книг, подогревая на этом микроавтодафе свой кофе.

Книги дополняют и в известной мере определяют внутренний облик молодых героев трагедии. Они — люди земные. Фердинанд (Петер Зимоншек) — высокий, плотный, что называется, крепко сбитый. В нем нет ничего от «тенорного» Фердинанда. Луиза (Шарлотта Шваб) — вовсе не мещанская блондинка, а умная и волевая девушка из народа. Актриса с большим тактом и высоким человеческим достоинством проводит сцену с Мильфордом. Верить, что именно эта беседа оказа-

лась решающей для окончательного выбора герцогской фаворитки (Вероника Байер), волею судьбы ставшей наложницей. Она — тоже человек волевой, готовый на все, лишь бы вырваться из плена продажной роскоши, к тому же купленной ценой человеческих жизней, и разврата.

Миллер (Алоиз Штремпель) — весь во власти своегословия. Ему вроде бы и льстит любовь Фердинанда (потому он выставляет Вурма), но он достаточно житейски опытен, чтобы не упустить и обратной стороны этого мезальянса. У него хватает мужества выставить из дома самого президента, но нет сил устоять перед золотом.

Итак, справа — книги, слева — рабочий стол президента. Президент (Эдгар Вальтер) — едва ли не центральная фигура спектакля. Нет, он не отодвигает на второй план влюбленных, но режиссер практически делает именно его главной движущей силой всех событий. Силой грубой, наглой, не способной ни на какие «движения души». Поэтому (вопреки Шиллеру и все же вместе с ним) президент даже и не подумает примириться с сыном. Молча, не выявляя никаких признаков сострадания, смотрит он в финале на распростертые тела молодых людей.

В силу такой трактовки роли президента и Вурма — высокий, стройный, даже красивый (Райнхарт Фирхов) — не является главной пружиной коварной интриги. Он всего лишь жалкий винтик в машине.

Однако и эти нелюди еще не главные в шиллеровской трагедии. Над всем витает имя герцога, невидимого и всесильного. Это во имя его расчетов свершается злодеяние. И не одно. Поэтому так значительно появление старого камердинера, с достоинством и драматизмом сыгранного Генрихом Ортмайером.

Роланд Шефер — режиссер из актеров, и это ощущается во всем строе спектакля. Он любит артиста и ему отдает первейшее место на сцене. Ему удалось органически сочетать шиллеровский пафос с психологической игрой. Сегодня, когда на сценах ФРГ мы нередко сталкиваемся с режиссерами, жертвующими и драматургией, и исполнителями ради подчас совершенно произвольного режиссерского замысла, такой спектакль, как «Коварство и любовь», заслуживает особого внимания.

РЯДОМ с таким монументальным полотном брехтовская одноактная пьеса «Мещанская свадьба» могла бы показаться чуть ли не безделушкой. Но в поста-



новке тоже молодого режиссера Михаэля Грунера этого не происходит.

«Мещанская свадьба» редко ставилась в наших театрах, тем интереснее оказалась встреча с одним из самых ранних произведений молодого Бертольта Брехта. Написанная в 1919 году, она считалась некоторое время утерянной и была вновь обнаружена в 1926 году, когда ее впервые поставили во Франкфурте-на-Майне.

Брехт был поистине неутомимым и изобретателем в разоблачении и осмеянии «мурла мещанина». К мещанству он питал стойкую ненависть. Ранние пьесы Брехта отмечены своими чертами, но уже в них проглядывает зрелый Брехт: стилистика диалога, построение фразы, особенность юмора. Все это присутствует и в «Мещанской свадьбе».

Если вкратце пересказать сюжет, то он почти парадоксален: гости собрались на свадьбу, и все было бы, как на многих других подобных «торжествах», не начини разваливаться по частям мебель, сделанная самим женихом. Это приводит к преждевременному завершению вроде бы торжественного события. Выясняется, что и жених, и его уже беременная невеста находятся в конфликте с приглашенными ими родственниками и гостями, поскольку те пришли просто «нажраться и напиться», да к тому же разломали мебель. В этом есть что-то символическое: на наших глазах разваливается не просто мебель, а еще не сложившаяся семья.

Режиссер и художник (Вильгельмина Бауэр) как бы пригласили зрителей стать гостями на этой свадьбе: выстроена всамделишная мебель, и обозначена комната. Одноактная пьеса идет полтора часа: в ней масса деталей, режиссерских трюков и находок, много важных подробностей в игре актеров.

Как в настоящем ансамблевом спектакле, здесь не хочется выделять кого-то одного, поскольку каждый актер вносит свою лепту в создание остроты сатирического, гротескного спектакля.

Стало почти традицией, что наиболее интересные театры ФРГ показывают в Советском Союзе в первую очередь свои классические спектакли. «Коварство и любовь», как и «Мещанская свадьба», имели большой и заслуженный успех у зрителей. И это нас искренне радует.